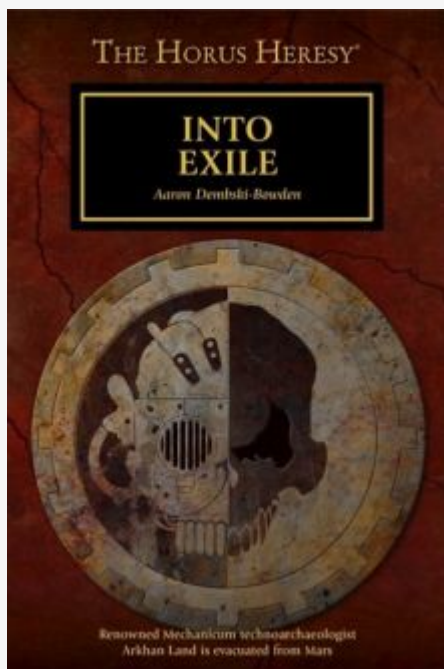

В изгнание / Into Exile (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

В изгнание / Into Exile (рассказ)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Йорик
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Бремя верности / The Burden of Loyalty
Год издания	2016
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

10

Зернистый охряной песок падает в открытые глаза мёртвого воина. От его неподвижного тела уходит тень - нечто огромное, но сторбленное, нечто с дребезжащими сочленениями и чудовищными

металлическими когтями. Оно идёт прочь, тяжело хромя, не выполнив приказ, о чём уже извещены его хозяева.

Легионер лежит на земле, исполнив свой долг.

9

Сгорбившийся мудрец сидит среди смердящих механизмов и окровавленных тел, вдыхая запах обгоревших автоматов и разорванной человеческой плоти. Существо на его плече странно похоже на обезьян, описанных в архивах Древней Терры. Его зовут Сапиенс – такое имя дал питомцу сам мудрец, создавший его из выращенной плоти, клонированного меха и освящённых металлов.

Псибер-обезьяна встревожено стрекочет, оглядываясь вокруг. Сам мудрец не чувствует тревоги – лишь растущее раздражение. Он кривится при виде окружающей его бойни, трюма, полного изувеченных и раненых. Вот какой облик у его спасения...

Вокруг содрогаются изогнутые стены взлетающего корабля, а за ними горят небеса Священного Марса. Далеко внизу лежит уже давно мёртвый Никанор. Зарезанный, выпотрошенный. Глупец.

Аркхан Лэнд сидит, съёжившись среди других беглецов, и молится Омниссии, дабы вонь их страха и неудачи не заразила и его.

Сапиенс перебирается на другое плечо Лэнда и стрекочет вновь, не способный к речи, но такой взбудораженный и любопытный.

– Он был глупцом, – шепчет мудрец, задумчиво глядя позвонки маленького творения, похожие на зубцы шестерёнки. – Космодесантники, – он злобно выговаривает это слово, – все они глупцы.

Но даже сам Лэнд теперь верит в это с трудом.

8

Никанор смотрит в глаза своего убийцы. Его кровь пятнает выпуклые золотые шары – зрительные механизмы боевой машины. Он плюнул этой кровью в лицо твари, когда та вогнала в нагрудник воина потрескивающее механическое копьё. Теперь пронзённый Никанор висит, а его сабоны едва достают до пыли, покрывающей столь бесплодную, но одновременно бесценную почву Марса. Каждый раз, когда он задевает её, то смахивает прочь тёмно-красный реголит, открывая серую землю под ним – тайну Красной Планеты, скрытую прямо под её поверхностью, но неведомую почти никому из способных представить этот мир.

Машина склоняется ближе, оценивая добычу выпуклыми, словно у насекомого, глазами, сохраняя памяти его лицо и отметки на доспехе. Умиравший воин слышит стрёкот и треск открытого канала связи, когда его убийца передаёт находку далёким хозяевам.

Он – добыча. Вот что знает процессор и простое сознание, несущее смерть.

Но не та добыча.

Никанор тяжело сглатывает от боли. Он не прячется от неё, но не даёт боли поглотить себя. Боль – то, что чувствуют живые, о ней нет смысла сожалеть. Жизнь – боль. Боль можно преодолевать, пока дышит человеческое или постчеловеческое тело. Никанор знает, что умрёт, но умрёт не опозоренным. Честь важнее всего.

Кровь капает со сжатых зубов легионера, пока боевая машина трясёт его, пытаясь сбросить с зазубренной руки-копья. Это не так просто сделать, потому что коготь погрузился глубоко во внутренности, пробившись сквозь укрепленные кости и пластины брони. Никанор чувствует, как его левый саботон бьётся об упавший болтер, как керамика ударяет по металлу оружия, покрытого отметинами. Но даже если бы он смог изогнуться так, чтобы достать его, не разорвав себя пополам, патронов больше нет. Сквозь кровавую дымку Никанор видит покрывающие голову робота опалённые вмятины – кратеры, оставленные каждым попавшим в цель болтом.

Боевая машина опускает копьё, вбивая пронзённого воина в пыльную землю, а затем упирается в неподвижное тело когтистой ногой. С рывком, усиленным механическими сочленениями, копьё вырывается наружу вместе с осколками керамики и брызгами остывающей крови.

С ними тело Никанора покидает и последний вздох. Он смотрит вверх, бессильный и безмолвный, и ничего не видит в безжалостных сферах-глазах робота. Ни следа разума, ни намёка на то, кто наблюдает за автоматом по каналу связи.

Перед глазами всё темнеет, а взгляд соскальзывает к небу, прочь от горбатого, изрешечённого болтами панциря механического убийцы. Там, в горящем небе, виднеется силуэт транспорта, на котором улетает мудрец. Поэтично было бы сказать, что именно о нем в последний миг подумал Никанор, перед смертью увидев победу. Но, если говорить искренне, то последней мыслью воина стало сожаление об изуродованном нагруднике, где прежде гордо сверкал на жёлто-золотой броне белый имперский орёл. Последним, что видел Никанор, был Мондус Оккулум, где под марсианскими скалами продолжали гореть подземные литейные и заводы по производству болтов, где взлетали к небесам последние штурмовые корабли его братьев.

На его доспех и изувеченное тело оседала поднятая пыль. Глаза дёрнулись в последний раз, но не закрылись.

На труп опустилась тень боевой машины, запечатлевшей его гибель.

7

Лэнд бежит, тяжело дыша, задыхаясь, с каждым тяжёлым шагом изо рта брызжет слюна. Его сапоги грохочут по начинающему подниматься грузовому пандусу. Паникующий мудрец не оглядывается – ни чтобы окончательно попрощаться с космодесантником, ни чтобы увидеть его последние мгновения. Звучат громовые удары болтерных выстрелов, и за Лэндом закрывается безразличный люк. В опустившейся тьме он падает на четвереньки, забыв обо всех приличиях. Дрожащие руки срывают с лица многообъективные защитные очки-увеличители.

«Я спасен, – думает он. – Спасен».

И почему-то эта мысль кажется почти предательской. Возможно, простой человек счёл бы это виной. Ранением слабой души или совести, знающей, что Никанор ещё где-то там, позади, что он отдал жизнь ради Лэнда. Однако прагматизм заглушает жалкие причитания. Совесть и стыд – понятия, созданные людьми, слишком размякшими, чтобы встречать неудачи лицом к лицу, готовыми прятать нерешительность под маской добродетели. Он должен выжить. Это начало и конец. Он важнее любого рядового легионера, что и доказали действия самого Никанора.

- *Взлетаем*, – вокс разносит по всему трюму безразличный голос сервитора. Транспорт дрожит, отрываясь от земли. Аркхан Лэнд проталкивается через толпу стонущих и раненых людей, а затем оседает у стены. Сапиенс издаёт пронзительный, совершенно не обезьяний крик, взбираясь на плечо хозяина.

6

- *Беги!* – даже ослабевший голос Никанора – рёв, заглушающий ветер. – *Беги, чтоб тебя!*

Он оборачивается, упирая болтер в плечо, веря, что высокомерие и страх заставят техноархеолога бежать, даже если он не послушается приказа. Размашистыми прыжками боевая машина приближается к нему по обтесанным ветром серым скалам, которые лежат на поверхности Марса, словно поверженные камни шаманских кругов Древней Земли.

И это та же самая машина. На её броне – шрамы, оставленные болтером и бомбой Никанора в Месатанском Комплексе. Машина бежит на выгнутых назад ногах, её роторные пушки больше не стреляют, но покрытые цепными зубьями руки продолжают выть. Болтер Никанора ревет, словно от бессильной злобы. Разрывные снаряды попадают в цель, взрываясь на черепном вместилище охотника-убийцы, но лишь трясут голову с выпуклыми золотыми глазами.

Никанор знает, что не сможет убить тварь. Но ему это и не нужно. Сигизмунд прислал его сюда с другой целью.

Он бросает оружие, как только видит на ретинальном дисплее, что израсходовал патроны. Силовой меч вспыхивает в руках прежде, чем болтер падает на землю. Механический охотник мог бы кружить вокруг него, если бы это счёл разумным вычислительный процессор, а её датчики опасности требуют осторожности. Эта добыча уже вставала на пути машины в прошлом, но времени мало. Её нужно убить сейчас или никогда.

Зверь бросается на него, грохоча согнутыми ногами. Руки-копья поднимаются на сочленениях, их поршни задвигаются в корпуса. Затем машина прыгает, издавая полный мусорного кода вопль вместо настоящего клича.

Никанор отскакивает в сторону, катясь по грязи и пыли, чем ещё сильнее уродует повреждённую броню, царапает символы, гордо сверкавшие на керамике в течение трёх десятилетий. Раны сделали его медленным, медленнее, чем он когда-либо был. С затуманенным от слабости взором он поднимается на колени, нанося удар клинком вверх.

Меч вонзается в машину – глубоко, разрывая прикосновением силового поля чувствительные механизмы. Вместо крови летят искры. Никанор чувствует, как враг выгибается над ним, как напрягается его перегруженное ядро, а вонзившийся в сочленение бедра меч грозит повергнуть

механического зверя.

«Лэнд должен выжить», – думает Никанор, чувствуя, как во рту течёт кровь. – *И он выживает».*

В благородном молчании он вырывает меч из искалеченной боевой машины, сдержанный, как и всегда. Пусть боевые кличи режут воины низших легионов, которым нужен бессмысленный пафос. Меч ломается рядом с рукоятью, когда противник с жалобным воем отшатывается назад.

Никанор встаёт, оборачиваясь, и в этот момент основная рука охотника-убийцы с громopodobным ударом пробивает нагрудник. Она раскалывает сросшиеся в укрепленную оболочку рёбра и проходит до силового ранца на спине, уничтожая движущие элементы доспеха типа II. Клинок разрывает оба сердца, два из трёх лёгких и прогеноидную железу в груди.

Никанор выплёвывает кровь, когда искалеченная машина подносит его к своему чуждому лицу. И ухмыляется, слыша рёв двигателей взлетающего транспорта.

– Он жив, – говорит Никанор своему убийце. Это его последние слова. – Ты проиграл.

5

Они уже приближаются к посадочной зоне, когда Аркхан Лэнд осознаёт, насколько тяжелы раны космодесантника. Уже хромящийся воин начинает шататься, а затем срывает шлем, чтобы вдохнуть воздух без фильтрационной решётки. Под ним оказывается тёмное лицо оттенка, типичного для жителей экваториальной Терры, а сквозь зубы течёт кровь. Лэнд в первый раз видит черты космодесантника, но не говорит ничего. Ему это безразлично.

С самого бегства из подземного комплекса они не видели ни следа преследователя. Впереди в ржавой пустыне виднеется орбитальный челнок с опущенными грузовыми пандусами, по которым с трудом взбираются люди и затаскивают материалы. Не тот корабль, который выбрал бы для себя Лэнд. И вообще, будь у него выбор, он бы не стал лететь с отребьем и падальщиками. Но беднякам не приходится выбирать. Беженцам тоже. Лэнд машинально загораживает Сапиенса от усиливающегося ветра, пряча псибер-обезьяну в складках величественной багровой мантии. В благодарность Сапиенс открывает клыкастую пасть, какой не бывало ни у одной обезьяны. Это выражение чем-то схоже с улыбкой.

– Космодесантник! – кричит сквозь ветер Лэнд.

– Всё в порядке, – уверяет его огромный воин. Но это явная ложь. Всё совсем не в порядке. Никанор прикасается к расколотому керамиту на боку. На бронированных пальцах остаётся кровь.

– Создания вроде тебя не могут истекать кровью... – праздно, словно обвиняя, говорит Аркхан. – Я лично изучал физиологические данные. В мельчайших подробностях.

– Мы истекаем кровью, – возражает Имперский Кулак, – когда умираем. – Он показывает на сегментированный корпус корабля, медленно обдираемый порывами ветра. – Не медли, техноархеолог Лэнд.

Но Аркхан не двигается. Он закрепляет увеличительные очки перед глазами, глядя туда, откуда они пришли. Не в первый раз он жалеет, что безоружен. Собрание диковинок Лэнда может похвастаться многими образцами древнего вооружения, а его жемчужиной пока стоит счесть невероятно прекрасный

пистолет с гудящими глушителями, кружащимися магнитными катушками и боекомплектом из микроатомных пуль. Но он – как и очень многое из находок Аркхана – не здесь. Значительная часть его бесценной коллекции уже в безопасности, ожидает Лэнда в Железном Кольце, святом ореоле доков, что окружает Марс. Но уже сейчас он мысленно составляет список бесчисленных драгоценных предметов, которые пришлось бросить на планете. Эвакуация... какое мерзкое слово.

Из складок мантии шипит Сапиенс, и Лэнд кивает, словно понимая, а затем настраивает обзорную дальность своих очков, со щелчком повернув боковую шестерню.

- Космодесантник, – говорит он, глядя на пустынную равнину позади. – Что-то приближается с южной гряды.

Охотник всё-таки последовал за ними от комплекса. Все запутанные уловки и ухищрения, все попытки сбить врага со следа и оторваться от него... всё оказалось пустой тратой времени.

«Сейчас это закончится, – думает Аркхан. – Так или иначе, сейчас всё закончится»

- Беги к кораблю, – говорит космодесантник. И, когда измученный Лэнд начинает медленно ковылять, а не бежать, терпению Никанора приходит конец. – *Беги!* – кричит он голосом, похожим на треск раскалывающегося арктического льда. – *Беги, чтоб тебя!*

4

Они идут по туннелям, а вокруг мерцает свет – энергетические системы, питающие комплекс, отказывают одна за другой из-за предательства или повреждений. Беглецы не слышат ничего, кроме собственных шагов. Неровные усталые шаги техноархеолога, слабеющая поступь Кулака.

Никанор больше не пытается скрыть хромоту. Жидкость течёт там, где шквальный огонь робота разорвал пластины брони. Сильнее всего в нескольких местах на нижнем боку и середине торса. Никанору не нужен ретинальный дисплей, чтобы оценить раны. Он чувствует скрежет изорванного металла, как по раненой плоти, так и внутри неё. Мерцающие на дисплее визора вспышки предупреждений излишни. Воин и сам ощущает раны, чует медный запах крови, которая не сворачивается так быстро, как должна. Нехорошо.

- Ты сказал, что нас ждёт корабль, – говорит Аркхан Лэнд, не оглядываясь на легионера.

- Суборбитальный челнок, – поправляет его Никанор.

- Это даже звучит словно насмешка, как последняя надежда для беженцев.

«Так оно и есть» – думает Кулак.

- Меры принимались с использованием всех доступных ресурсов.

- Принимались кем? – Техноархеолог, тяжело дышащий, путающийся в багровой мантии, излучает неодобрение. – Тобой?

- Первым капитаном Сигизмундом, – отвечает Никанор. – И фабрикаторм-локумом Загреем Кейном.

- Загрей Кейн теперь фабрикатор-генерал, не так ли? – Лэнд не оборачивается, но в его голосе слышна

усмешка. – Сохрани нас Омниссия от этого невероятно глупого создания и его ограниченного видения.

Пот щиплет глаза Никанора, когда тот оглядывается на мерцающие глубины коридора и не видит ничего. Ретинальный дисплей не показывает новых предупреждений, но продолжает беззвучно кричать о ранах. Сканер-ауспик молчит. Проходя коридор за коридором, они поднимаются всё ближе к поверхности. Кулак чувствует, как тяжелеют руки, пока организм перерабатывает адреналин и впрыснутые боевые наркотики. Сила, данная ему на ближайшие часы, понемногу уходит, уступая место усталости и боли от ран.

– Я никогда прежде не встречал таких автоматов, – признаётся Никанор. Аркхан Лэнд поворачивает к спутнику острое лицо. В полузакрытых глазах мудреца плещется веселье.

– Ну и ну. Космодесантник хочет немного поболтать? Поистине, сегодня день сюрпризов.

– Я хочу услышать ответ, а не болтать, – с трудом сдерживает негодование Никанор.

Лэнд неприятно улыбается, а затем оборачивается к коридору. Сидящая на его плече обезьяна шумно грызёт стальную болванку.

– Это «Воракс», – с усмешкой говорит ему техноархеолог. – Несомненно, его сильно модифицировал какой-нибудь аристократ из кузниц для своих целей, но корпус определённо принадлежит «Вораксу». Теперь их нечасто увидишь в воинствах Великого крестового похода. Иногда мы выпускаем их в города-кузницы, когда решаем проблемы с перенаселением. А ещё, – добавляет он знающим голосом, – *иногда* их используют для совершения убийств. Но только самых значимых целей.

Никанор слышит гордость в голосе мудреца. Его высокомерие не знает границ.

– И кому выгодна твоя смерть, техноархеолог Лэнд? Кто хочет избавиться от тебя?

Механикум чешет лысую голову – и по неведомым Никанору причинам псибер-обезьяна повторяет за ним.

– Твой вопрос выдаёт поразительное неведение, космодесантник. Очень многие из моих коллег хотели бы, чтобы я испустил последний вздох. Не все, конечно же. Но многие. С обеих сторон новой войны.

Никанор вздыхает от боли в боку. Лэнд принимает это за вопрос.

– Похоже, ты гадаешь, в чем причина? – продолжает техноархеолог, хотя Никанору всё равно. – Потому, что я – сам *Аркхан Лэнд*. Ими движет зависть. Зависть, рождённая неуверенностью. Думаю, этим всё сказано.

Имперский Кулак молчит. Он уже видел, как неизменённые люди, даже самые самоуверенные из них, любят поболтать, оказавшись под гнётом обстоятельств.

Когда они наконец выходят навстречу мрачному рассвету, то видят уходящие вдаль солончаковые равнины Зетека. Никанор показывает на гряде.

– Туда. За ней нас ждёт корабль.

О, было сложно не почувствовать себя оскорблённым. Единственный космодесантник.

Месатанский комплекс открывается и расходится пред ними вместе с разъезжающимися дверями, похожими на аварийные гермозатворы космических кораблей – модель, выбранная Аркханом Лэндом для защиты от радиации и возможных катастроф, а не из соображений безопасности. В свете того, что происходит на Марсе, этого... безумия, которого не скрыть за ложным именем революции, Лэнд не удивлён, что началась аварийная блокировка базы.

- Нас преследуют, - в какой-то момент говорит легионер.

Лэнд ничего не слышит, но прибавляет шаг. Слишком быстро. У него нет усовершенствований. Горло уже саднит, ноги горят.

Техноархеолог и его спутники идут быстро, отголоски их шагов разносятся среди пустых колоннад. О, как это разочаровывает. Пусть он и выбрал заброшенный комплекс лишь как удобный путь отхода, Лэнд не может сдержать раздражение и меланхолию при виде разрухи. База напоминает ему подземные города-оболочки, которые он так охотно исследовал, где его единственными спутниками в Поиске Знания были защитные системы былых времён и безмятежность собственных мыслей. Узнает ли он вновь покой?

Как долго здесь, в Месатане, будет энергия? Без поддержки слуг, закреплённых за комплексом, установленные на стенах каждого зала горгульи рано или поздно перестанут выдыхать фильтруемый воздух. Любой, кто останется здесь к тому времени, умрёт от недостатка кислорода.

Какой же бессмысленной будет смерть в этом месте...

Причём в бегах от собственных коллег. Милосердный Омниссия, эта мысль раздражала его так сильно, что даже забавляла. Имперский Кулак вёл Лэнда по мосту, тянущемуся над хранилищем, где стояли тысячи ящиков и контейнеров – настоящий город-склад.

Единственный космодесантник...

Лэнд вдыхает, готовясь спросить, почему Имперский Кулак один, почему они сочли, что для защиты и сопровождения его хватит одного воина... но тут появляется преследователь.

«Воракс» решил атаковать, когда они были на середине моста, лишённые путей к бегству. Даже его мерзкий, почти дикий вычислительный аппарат понял, что добыча едва ли станет прыгать с такой высоты.

Первым признаком опасности стал содрогнувшийся на опорах мостик. И Лэнд, и Кулак побежали. Аркхан со всех ног бросился вперёд, ни на миг не усомнившись, что машина пришла за ним. Легионер побежал туда, откуда они пришли.

Имперский Кулак, грохоча доспехами, промчался мимо Лэнда – дрожащего, путающегося в дорогой мантии и воющего, словно обезьяна. Конечно, выл не сам Аркхан, а Сапиенс, но при этом Лэнд чувствовал уколы ужаса, вспоминая с досадой, как думал, что оторвался от преследователей.

- Спрячься за мной, - приказал Кулак.

Аркхан повиновался без раздумий. «Воракс» наклонился, переходя на одновременно неловкий и изящный бег, а его выпуклые сенсоры вспыхнули холодным свирепым огнём. Закружились роторные пушки, а руки-копья откинулись, словно у предвкушающего удар зверя. Имперский Кулак встал между

Лэндом и автоматомом. Космодесантник выстрелил первым.

Лэнд никогда прежде не видел, как сражаются Легионес Астартес. В смысле, своими глазами, а не в записи. Его работа действительно помогла созданию оружейных легионов, возможно даже, привела к революционным прорывам, но самого Лэнда интересовал лишь вложенный в них гений Омниссии. Он изучил их физиологию, насколько мог, но большая часть информации была засекречена, а в *открытом* доступе, по большому счёту, была только явная пропаганда.

Пусть так. Честно говоря, его это не волновало.

Для Аркхана Лэнда война всегда была понятием, заключающим в себя невыразимую скуку.

Возможно, страсть Лэнда к возвращению знаний и тайн сделала будущее лучше, но не изменила утомительных и жестоких реалий настоящего. Космодесантники были орудиями, исполнявшими свою задачу самоуверенно и предсказуемо. Однако этот оказался весьма примечательным образцом в плане боевого искусства. Он начал бой с громоподобных выстрелов болтера: каждый снаряд взорвался на бронированном корпусе «Воракса», ни один не прошёл мимо цели. Всё это время он пятился, прикрывая своим телом истинную цель машины, содрогаясь и прогибаясь под шквальным огнём роторных пушек, но не падая.

От брони Имперского Кулака летели искры. От нее отлетали раскалённые осколки керамики. Космодесантника бурили – ни одним другим словом невозможно было описать разрушение, обрушенное на гиганта. Его бурили насквозь огнём. С воем и визгом мимо прячущегося в тени воина Лэда проносились пули. Они били и рикошетили по ограждению прямо перед ним. Болтер продолжал грохотать.

- Никанор... – заговорил Лэнд. Это был первый и последний раз, когда он произнёс имя Имперского Кулака.

Никанор стрелял одной рукой, скривившись при виде брызг крови. Свободной он потянулся за спину к мeltaбомбе.

- Беги, – приказал он, выхватив устройство.

- Но её не...

- Для моста – достаточно, – Никанор выставил наплечник навстречу наступающему и перезаряжающемуся врагу. Его шлем был наполовину скрыт другим. – Не для машины. Беги.

«Он собирается взорвать мо...»

Лэнд побежал.

2

- Ты – техноархеолог Аркхан Лэнд, – произнёс Никанор.

Это не было вопросом. Человек, к которому он обращался, был тонкого телосложения, с редкими волосами, с многообъективными очками-визуализаторами широкого спектра действия, поднятыми на

лоб, в подобающей высокопоставленному адепту многослойной мантии на более практичном костюме и выдавшей виды броне марсианского путешественника. Вместе с ним было искусственное творение – псибер-обезьяна, смотревшая на Никанора щёлкающими глазами-пиктерами. Вдобавок, черты лица человека полностью совпадали с изображением, сохранённым на ретинальном дисплее Никанора. Несомненно, Аркхан Лэнд.

Космодесантник понимал, что человек напуган, это выдавал учащённый пульс и капающий со лба пот. Но гордость не покинула его. Возможно, Аркхан Лэнд не был солдатом, пусть он и боялся за свою жизнь – за свой образ жизни – но стоял прямо и гордо, даже когда у него дрожали ноги.

«Хорошо, – с бесстрастным одобрением подумал Никанор. – Хорошо, когда тебе есть за что жить и умирать».

– Да, это я, – ответил остроглазый человек. – Могу я спросить, космодесантник, на чьей ты стороне?

Никанор посуровел, оскорблённый словами человека, но в свете обстоятельств вопрос был вполне ясен.

– Я – сержант Никанор Тулл из Седьмого Легиона.

– Это лишь твоё имя и происхождение, космодесантник, – скривился Лэнд.

– Я верен Императору.

При этих словах техноархеолог издал что-то между вздохом облегчения и раздражённым смешком.

– Полагаю, тогда ты затем, чтобы «спасти» меня. Ну, я рад, что тебе удалось меня найти, но зря стараешься. Я не брошу родной мир. Действительно, Святой Марс охватило нечестивое пламя, но это мой дом.

Никанор ожидал этого. Он потратил драгоценные мгновения, чтобы оглядеть лабораторию, найти оружие, способное ранить его, но не нашёл ничего среди почти невероятного беспорядка. Конечно, Аркхан Лэнд – известный гений, но если его разум так же рассеян, как и дом, то скрытый за этим несчастливым лицом гений действительно непредсказуем.

– Моим братьям поручено оборонять и эвакуировать кузницу Мондус Оккулюм. Мне было приказано...

– О, благородные легионеры, – резко усмехнулся Лэнд, перебив Никанора. – Пришли спасти свои драгоценные литейные доспехов, награть что подвернется, а затем бросить главный мир-кузницу гореть, а?

– Я не стану спорить с тобой, техноархеолог Лэнд. Нас ждёт скрытый в тундре Зетек корабль. Требуются осторожность и скрытность, потому мы не полетим на парящем судне туда. Мы пойдём по местанскому рабочему комплексу с ЗК до Зетека, где ты сядешь на транспорт, который доставит тебя на Железное Кольцо, а оттуда на Терру.

Лэнд оскалил зубы. В этот раз это не было улыбкой, даже не насмешкой.

– Я не могу бросить свои труды, космодесантник.

Псибер-обезьяна свисала с поручней на потолке лаборатории. Похоже, что их поставили специально для неё. Пока воин и мудрец говорили, обезьяна прыгала по комнате, а затем вскочила на плечо хозяина.

– Если ты останешься здесь, – сказал Никанор, – то, возможно, тебя казнят враги. Возможно, сюда уже

идут убийцы.

- Омниссия защитит меня, - ответил Лэнд, искренне и пылко осенив себя знаком шестерни.

- Регент самого Императора отправил сюда мой легион, Аркхан Лэнд. Кто, если не мы - защита, о которой ты молился?

- Метадуховные философствования от громилы в керамитовой броне? Как будто бушующего вокруг мятежа не достаточно для сюрпризов на целую жизнь! Нет, терранский ублюдок, я не уйду.

- Есть также значительная вероятность, - бесстрастно продолжил Никанор, не обращая внимания на возмущение человека, - что если вероломные слуги фабрикатора-генерала не казнят тебя, то захватят в плен.

Нечто - чувство, которое Никанор не смог понять - промелькнуло в глазах мудреца.

- Да, такая возможность есть.

- И ты понимаешь, - с нечеловеческим спокойствием продолжил воин, - что мы не можем допустить этого.

- Ах, - с отвращением скривился Лэнд. - Я слишком много знаю, да? Нельзя допустить, чтобы я переметнулся. Так?

Никанор ничего не ответил. Он просто поднял болтер и прицелился Аркхану Лэнду в голову.

1

- Он должен выжить, - сказал Сигизмунд.

Никанор внял этим словам - словам, бывшим приказом. Его поднятое лицо - лица всех собравшихся воинов - омывал мерцающий свет тактического гололита. Над проекционным столом возникали изображения, свет застывал или медленно двигался. Через час они начнут высадку. Воины уже знали всё, что требовалось. И теперь им осталось лишь назначить зоны десантирования, распределить задания.

На одной из сторон экрана была информация по Аркхану Лэнду.

Самому Аркхану Лэнду. Исследователю и мудрецу, совершившему так много экспедиций в древние хранилища информации в коре и мантии Марса. Человеку, вернувшему в зарождающийся Империи основы антигравитационных технологий, выкопавшему и распространившему чертежи, позволившие наладить массовое производство рейдеров и спидеров, которых теперь насчитывались тысячи в арсеналах легионов.

Рейдеры *Лэнда*. Спидеры *Лэнда*. Боевые машины даже были названы в его честь.

Холодный суровый взгляд первого капитана пал на Никанора. Он ощутил его прежде, чем увидел, а встретив взгляд своего маршала, сержант смог лишь кивнуть.

- Он должен выжить, - повторил Сигизмунд.

- И он выживет, - вновь кивнул Никанор.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=В_изгнание_/Into_Exile_\(рассказ\)&oldid=20344](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=В_изгнание_/Into_Exile_(рассказ)&oldid=20344)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:29.